

ДМИТРИЙ НЕЧАЕНКО

КАЗУС УЛИЦКОЙ

В августе 2014 г. немецкий журнал “Der Spiegel” опубликовал статью писательницы Людмилы Улицкой “Европа, прощай!”. Начинается она заявлением довольно резким: “Моя страна сегодня объявила войну культуре, объявила войну ценностям гуманизма, идее свободы личности, идее прав человека, которую выработывала цивилизация на протяжении всей своей истории. Моя страна больна агрессивным невежеством, национализмом и манией величия. Мне стыдно за наш парламент, невежественный и агрессивный, за правительство, агрессивное и некомпетентное, за руководителей страны, игрушечных суперменов, поклонников силы и хитрости. Мне стыдно за всех нас, за народ, потерявший нравственные ориентиры”.

Молодчина, — сразу подумал я. Сказала, как отрезала. Прямо-таки Лев Толстой в юбке — “не могу молчать!” Какой страдальческий и озлобленный тон, какая экспрессия! Совсем не то, что её до зевоты скучные, растянутые романы для домохозяек. Чрезмерный восторг мой был связан с тем, что мне показалось, будто речь идёт об исторической родине Улицкой Израиле, потому что как раз в то время в самом разгаре была карательная операция “Несокрушимая скала”, которую израильская армия вела, вторгнувшись в сектор Газа. Под бомбардировками с воздуха и ракетными обстрелами погибали в основном мирные палестинцы, а не бойцы ХАМАСа. Поэтому по всему миру прокатилась волна негодования против бесчеловечной бойни. Массовые демонстрации протеста прошли в Великобритании, Ирландии, Германии, Аргентине, Афганистане, Иране, Турции и ряде других стран. В Париже тысячи людей вышли на площадь Сталинградской битвы, чтобы выступить против израильской агрессии, унёсшей жизни полутора тысяч палестинцев. В Нью-Йорке демонстранты вывесили на Манхэттенском мосту огромный флаг Палестины с надписью “Газа в наших сердцах”, а в Вашингтоне в демонстрации протеста наряду с американцами приняли участие евреи-антисионисты. Вот я грешным делом и подумал, что раз уж Улицкая писательница, то значит — пацифистка и гуманистка, которая не могла не присоединиться к голосу прогрессивной мировой общественности. Зря я так подумал. Следующая за выше процитированным фрагментом фраза безжалостно развеяла мои иллюзии: “Культура потерпела в России жестокое поражение”. Вот тебе раз, — подумалось мне, — чудеса, да и только. Начал человек как будто за здравие, а свёл на упокой. Как говорится, молодница красива, да на душу крива.

Хватило же совести заявить о разгроме российской культуры писательнице, каждая книга которой получает престижную литературную премию (таких

премий уже 14) и издаётся неслыханными в нынешнее время тиражами (200–300 тыс. экз.). Одно лишь издательство “Эксмо” (фактический монополист книжного рынка) выпустило только за последние два года более 30 книг Улицкой, а перед этим – полное собрание её сочинений. Такой прижизненной чести не удостоился даже Пушкин. Первый том первого академического, реально Полного собрания сочинений Толстого вышел в 2000 году, а первое академическое, действительно полное собрание сочинений Достоевского издательство “Наука” начало выпускать лишь... в феврале 2014 года. Общий тираж книг Улицкой в России не поддаётся подсчёту, значительно превышает тиражи Библии и составляет более 4 000 000 экз. По её сценариям снято 4 художественных фильма, двенадцатисерийный телесериал “Казус Кукоцкого”, два телеспектакля и мультфильм. Благодаря колоссальной пиар-рекламе книг Улицкой в России и на международных книжных ярмарках её сочинения переведены на 30 языков мира, а во Франции её наградили Орденом Академических пальм и Орденом искусств и литературы. В одной только Москве спектакли по произведениям Улицкой поставили в МХТ им. А. П. Чехова, Академическом молодёжном театре, Театре эстрады, театрах Марка Розовского и Иосифа Райхельгауза, театральном центре “Вишнёвый сад” и др. Ничего себе “жестокое поражение культуры”...

По поводу публикации своей прощальной статьи с Европой Улицкая дала интервью корреспонденту “Радио Свобода” и подтвердила свои высказывания: “Это точка зрения, которую разделяют многие мои друзья, и она действительно полна пессимизма, потому что сегодняшняя московская политика такова: мы отдаляемся от Европы, и это очень плохо. Сегодня сделан выбор между Европой и Китаем в пользу Китая, и, к сожалению, мы идём по пути, который вряд ли принесёт России благосостояние, успех и уважение. Это направление в сторону третьего, четвёртого, уж и не знаю какого мира, и это печально. По этому поводу в кругу моих близких друзей царит полное единомыслие”. Странная, однако, логика – то ли пресловутая женская, то ли просто предвзятая. Во-первых, решение отдалиться от конструктивного партнёрства сначала приняли вообще на другом континенте – в США. Там же приложили максимум усилий, чтобы к этому решению присоединился Евросоюз. Во-вторых, выбор между Западной Европой и Китаем в пользу последнего продиктован отнюдь не “московской политикой”, а самой жизнью. В ситуации, когда главные гаранты и без того шаткой стабильности Евросоюза Германия и Франция втягиваются в антироссийскую авантюру, у Кремля нет иного выбора, кроме как обратить свой взор на восток. О том, что это рано или поздно произойдёт, написал не спичрайтер Путина после антироссийских санкций, а 130 лет назад выдающийся мыслитель и публицист К. Н. Леонтьев, о котором г-жа Улицкая и её “круг близких друзей”, судя по всему, слыхом не слыхали. И, наконец, в-третьих: на каком основании Улицкая решила, что “отдаляться от Европы это очень плохо”, – она совершенно не объяснила. Попробую объяснить я, что это не так уж и плохо.

Начну с того, что первым на Западе диагноз “вырождение” (в одноимённой книге) поставил европейскому обществу и европейской модернистской культуре соучредитель (вместе с Теодором Герцлем) Всемирной сионистской организации Макс Нордау. Будучи психиатром, учеником и последователем Чезаре Ломброзо, он в своей ставшей бестселлером книге, изданной в 1893 г., безошибочно диагностировал все главные болезни современного ему общества и наиболее ярких представителей декадентской культуры – писателей, поэтов, философов, композиторов. По его мнению, все населявшие большие города высшие слои общества тогдашней Западной Европы (те, кого мы называем “интеллигенцией”) представляли собой психбольницу. Симптомы их болезни (психопатию, истерию, наркоманию, манию величия, эгоизм, эротоманию, эстетизм, мистицизм) Нордау обнаружил во всех произведениях писателей, ставших модными в эпоху fin de siècle. Спустя пять лет, в 1898 г. Лев Толстой опубликовал трактат “Что такое искусство?”, в котором поставил аналогичный диагноз не только европейскому, но и русскому декадентству. Несмотря на то, что Нордау смело причислил к “вырожденцам” и самого Толстого, оба они подвергли саркастической критике в основном одних и тех же деятелей модернизма. Ницше – за проповедь воинствующего иммoralизма и мнимое глубокомыслие, Ибсена – за отсутствие жизненной правдивости в его драмах и ходульность персонажей, Бодлера – за пустословие и тягу к садо-

мазохизму, Малларме и Верлена – за то, что их стихи надо разгадывать, как ребусы, Вагнера – за старание потрафить публике, желающей приятного возбуждения.

Приведу, раз уж я залез в такие доисторические дебри, одну цитату из трактата Толстого: “В прежние времена боялись, как бы в число предметов искусства не попали предметы, развращающие людей, и запрещали его. Теперь же только боятся, как бы не лишиться какого-нибудь наслаждения, даваемого искусством, и покровительствуют всякому. И я думаю, что последнее заблуждение гораздо грубее первого и что последствия его гораздо вреднее. Безверие высших классов европейского мира сделало то, что на место той деятельности искусства, которая имела целью передавать высшие чувства, вытекающие из религиозного сознания, стала деятельность, имеющая целью доставлять наибольшее наслаждение известному обществу людей. И из всей огромной области искусства выделилось и стало называться искусством то, что доставляет наслаждение людям известного круга. Обеднение содержания искусства высших классов усилилось ещё тем, что, перестав быть религиозным, искусство перестало быть и народным и тем ещё более уменьшило круг чувств, которые оно передавало, так как круг чувств, переживаемых людьми властвующими, богатыми, не знающими труда поддержания жизни, гораздо меньше, беднее и ничтожнее чувств, свойственных рабочему народу”. Не правда ли, как будто сегодня, о нашем времени и нашем искусстве всё это сказано, а не сто с лишним лет назад? Немало страниц острой критике русского декаденства посвятил в своих книгах и Василий Розанов – невероятно талантливый, когда дело касалось его консервативных убеждений, и особенно – когда он вступал на страницах “Нового времени” в полемику со своими идейными врагами. Да что там Розанов! Даже Александр Блок, которого при всём желании невозможно упрекнуть в консерватизме, побывав в 1915 г. в Александринском Императорском театре на спектакле по пьесе Зинаиды Гиппиус “Зелёное кольцо” в постановке Мейерхольда, вернулся домой разочарованный и рассказал о своём впечатлении в письме к жене: “На спектакль студии я пошёл, как всегда, с открытой душой, с желанием, чтобы мне понравилось, и мне, как всегда, страшно не понравилось всё. Это узорные финтифлюшки вокруг пустынной души, которая и хотела бы любить, но не знает источников истинной любви. Так как нет никакого центра, нет центрального огня, который и есть *любовь и воля*, – мне и тяжело, и скучно от никчёмного “лёгкого веселья”, и я не могу простить подробностей, которые простил бы, может быть, если бы меня хоть немного “обожгли” тем огнём, в котором всё и без которого ничто не мило. Молодые и пожилые люди претенциозно кривляются, валяются на полу. Ноги мелькают на сцене в течение всего вечера, так что тошно от повторяемости мельканий. Какая-то большая старуха сидит на столе на корточках. Изобретательности настоящей нет, воображение бедное и больное. Неталантливые люди и некрасивая фантазия. О, если бы люди умели сузиться, поняли, что честное ремесло есть большой чин, а претензия на пересаживание каких-то графов Гоцци на наш бедный, задумчивый, умный север, *русский*, – есть только *бесчинство*. Всё это больно”.

Тотальную деградацию не только культуры, но и всего западноевропейского социума эпохи *fin de siècle* в целом, констатировали не только психиатры или писатели, но и выдающиеся мыслители того времени. В 1918 г. вышел философский трактат Освальда Шпенглера “Закат Европы” (иногда это заглавие переводится как “Закат Западного мира”). В этом капитальном исследовании живший в культурном эпицентре Европы немец высказал весьма пессимистический прогноз развития европейской цивилизации и предсказал, что в будущем богатые страны Европы ожидает упадок и “варваризация” в связи с нашествием иммигрантов из бедных стран Африки и Азии. Раз уж так привечают и пестуют Улицкую издательства и журналы Германии, спросила бы она при случае у немцев: рады ли они многолетней экспансии турок, совершенно чуждых им по культуре, ментальности, бытовому укладу жизни? А турок в Германии уже около двух миллионов, и с демографией у них, в отличие от немцев, всё *abgemacht*. В одном Берлине самая многочисленная диаспора – это турецкая, то есть больше всего турок вне Турции живёт в столице Германии. Один из лидеров партии “зелёных” даже предложил от отчаяния петь второй куплет немецкого гимна на турецком языке. По статистике 80% уголовных преступлений в Германии совершается иммигрантами. Да разве

в одной Германии? Разве итальянцы или французы в восторге от нашествия негров, арабов, цыган и румын? Или, может, англичане весело празднуют “мультикультурную интеграцию” своих иммигрантов? В мае 2013 г. в Лондоне среди бела дня двое радикальных исламистов-нигерийцев зарезали тесаком и мачете барабанщика Королевского стрелкового полка, 25-летнего солдата. Они даже не пытались скрыться с места преступления. Один из них, держа в руках окровавленный тесак, двадцать минут читал “воспитательную” лекцию столпившимся вокруг зевакам-англичанам. “Око за око, зуб за зуб, – невозмутимо сказал он. – Вы думаете, что после этого Дэвид Кэмерон выйдет защищать вас? Думаете, что когда мы возьмёмся за оружие, он пострадает? Нет! Страдать будут обычные люди, страдать будете вы и ваши дети. Мир наступит только тогда, когда ваше правительство выведет войска, которые каждый день убивают мусульман”. Во время расследования выяснилось, что оба убийцы – граждане Великобритании, оба выросли в Лондоне, где вступили в радикальную мусульманскую общину. Один из них родился в семье христиан в лондонском районе Ламбет, расположенном напротив Вестминстерского дворца, затем учился в университете Гринвича, неподалёку от места, где совершил убийство.

Стремясь дать наиболее точное определение культуры, Шпенглер писал: “Культура – это главное содержание истории. Культура – это человеческая индивидуальность высшего порядка. У каждой культуры есть своя собственная цивилизация”. Есть такая цивилизация и у русской культуры. О её уникальных особенностях Улицкая могла бы прочесть у А. С. Хомякова (“Записки о всемирной истории”), И. В. Киреевского (“О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России”), Н. Я. Данилевского (“Россия и Европа”), Ф. М. Достоевского (“Дневник писателя”), К. Н. Леонтьева (“Византизм и славянство”), Л. А. Тихомирова (“Монархическая государственность”) или И. Л. Солоневича (“Народная монархия”). Хомяков полагал, что социализм (коммунизм) и капитализм – не что иное, как пагубные последствия интеллектуальной деградации европейского Запада, который от бессилия решить экономические и духовные проблемы общества увлёкся либо пропагандой капиталистической конкуренции и либерализма, либо обоснованием “коммунистической кутузки” согласно теории К. Маркса. Данилевский, считавший Россию особым культурно-историческим феноменом, видел её будущее в противостоянии вырождающейся романо-германской (католической и протестантской) культуре. Леонтьева особенно беспокоила опасность тогдашнего положения России, в которой стремительно нарастало влияние разрушительных буржуазно-либеральных доктрин “великой” Французской революции и “просвещенческих” призывов к борьбе за всеобщее равноправие, плотскую свободу, утопический всемирный рай. Противопоставляя этим идеям византийскую симфонию Церкви и государства, Леонтьев утверждал воспринятый от Византии династический монархизм в качестве оплота православия и эстетизм культурных национально-традиционных форм, в которых видел единственную возможность независимого пути развития Российского государства – самобытного, сильного, живущего своим умом. Охранительным средством от революционных потрясений, грядущих с Запада, Леонтьев считал союз России со странами Востока. А Достоевский и вовсе без всяких обиняков назвал Западную Европу “кладбищем”.

За пять с половиной лет пребывания за границей Достоевский исколесил Европу вдоль и поперёк, многое разгадал и разглядел в ней зорким взглядом художника. “В Европе, – утверждал он, – не осталось никакой духовной культуры, никакого христианства, только она сама боится себе в этом признаться”. “О, если бы Вы понятие имели, – писал он Аполлону Майкову, – об гадости жить за границей, если б Вы понятие имели о бесчестности, низости, невероятной тупости и неразвитости швейцарцев. Конечно, немцы хуже, но и эти стоят чего-нибудь! На иностранца смотрят здесь как на доходную статью; все их помышления о том, как бы обмануть и ограбить. Если бы Вы знали, какое кровное отвращение, до ненависти, возбудила во мне к себе Европа за эти четыре года. Господи, какие же у нас предрассудки насчёт Европы...” Вся жизнь искавший истину и “через горнило сомнений” пришедший к вере во Христа автор “Братьев Карамазовых”, естественно, не мог по-другому воспринять общество людей мировоззренчески безразличных, не задумывающихся о душе, о нравственной ответственности перед совестью и Богом, о

чём-нибудь ином, кроме потребностей физиологии. “В Англии то же, что и везде в Европе, — писал Достоевский, — страстная жажда жить и потеря высшего смысла жизни. Европа зашла в какой-то безвыходный тупик, из которого не может найти выхода”. “Я хочу в Европу съездить, — говорит Иван Карамзев брату Алёше, — но ведь я знаю, что поеду лишь на кладбище, лишь на самое дорогое кладбище — вот что. Дорогие там лежат покойники, каждый камень над ними гласит о такой горячей минувшей жизни, о такой страстной вере в свой подвиг, в свою истину, в свою борьбу и науку, что, я знаю, зараннее паду на землю и буду целовать эти камни и плакать над ними — в то же время убеждённый всем сердцем моим, что всё это давно уже кладбище и никак более”. Яснее ясного осознавал Достоевский стойкую неприязнь к русским со стороны не только немцев, англосаксов или французов, но и “братушек” наших славян. Для меня, например, до сих пор остаётся загадкой, каким образом получилось, что освобождённые ценой жизни и крови русских солдат от 500-летнего турецкого ига болгары в обеих мировых войнах стали союзниками наших врагов, а одной из первых среди стран-сателлитов гитлеровской Германии войну СССР объявила Словакия. Для Достоевского в этом не было никакой загадки. В разгар русско-турецкой войны 1877 года, когда русские воины героически погибли за свободу болгар под Плевной и на Шипкинском перевале, он написал: “Не будет у России, и никогда ещё не было, таких ненавистников, завистников, клеветников и даже явных врагов, как все эти славянские племена, чуть только их Россия освободит, а Европа согласится признать их освобождёнными. Начнут же они, по освобождении, свою новую жизнь именно с того, что выпросят у Европы, у Англии и Германии ручательство и покровительство их свободе, и хоть в концерте европейских держав будет и Россия, но они именно в защиту от России это и сделают”.

За год до смерти Достоевский написал: “Да она накануне падения, ваша Европа, повсеместного и общего. Муравейник, давно уже созидавшийся в ней без церкви и без Христа, с расшатанным до основания нравственным началом, утратившим всё общее и всё абсолютное, — этот созидавшийся муравейник весь подкопан”. Сто тридцать лет миновало с тех пор, как высказал Достоевский свои пророчества. И вот на наших глазах они начинают сбываться. Мало того. Всё, что так неприятно поразило писателя в Европе, кажется в наши дни ребяческими шалостями. Эка невидаль — “обмануть иностранца”! Представляете себе реакцию Фёдора Михайловича, если бы, гуляя по Женеве или Берлину, он невзначай встретился с шествующим вдоль центральной улицы гей-парадом? Или, сидя с чашкой чая за завтраком, развернул утреннюю газету и прочёл в новостях: “В английском графстве Эссекс сыграли самую дорогую собачью свадьбу в мире. Её устроила для своей любимицы, йоркширского терьера Лолы владелица бутика и салона для животных Луиза Харрис. Всё было сделано “как у людей” и даже лучше: дивное подвенечное платье, украшенное 1800 кристаллами Сваровски, ожерелье из натурального морского жемчуга, камерный оркестр, особняк и изысканное угощение. Луиза скрывает, сколько потратила на торжество, но всё же проговорила, что только букет невесты обошёлся в 20 тысяч фунтов стерлингов (30 тысяч долларов). Счастливым избранником Лолы стал китайский хохлатый кобель Мугли, признанный в 2005 г. “самой уродливой собакой в Великобритании”. В поисках идеального партнёра для Лолы её хозяйка организовала онлайн-конкурс. Получив сотни анкет, мисс Харрис выбрала Мугли. После первого знакомства состоялось несколько свиданий жениха и невесты, а затем три месяца подготовки к свадьбе. Молодых сочетали браком под звуки арфы, исполнявшей свадебный марш Мендельсона. Когда Лола в белоснежном платье вбежала в усыпанный цветами зал, где её встретил нарядный жених в смокинге, на глаза растроганных гостей навернулись слёзы. После церемонии венчания, которую провёл специально приглашённый священник англиканской церкви, состоялось грандиозное веселье вокруг столов, уставленных шампанским и изысканными деликатесами” (“Комсомольская правда”, 28.07.2011).

Уж не по этим ли праздникам жизни тоскует Улицкая, закончив свою статью по-байроновски патетическим “farewell”: “Прощай, Европа! Боюсь, что нам никогда не удастся войти в европейскую семью народов. Триста лет мы не теряли надежды, но сегодня нам, людям российской культуры, той её малой части, к которой я принадлежу, остаётся сказать только одно: “Прощай, Европа!” К “малой части” узкого “круга близких друзей” писательницы я, увы,

не принадлежу, да и в Европе меня никто не ждёт. Поэтому лично мне нет никакого дела ни до встреч с ней, ни до прощаний. Никакие мы, в строгом смысле, я думаю, не европейцы, а “скифы мы и азиаты мы”. Ими были, ими и останемся. Хорошо это или плохо, пусть этнологи разбираются. Однако при всей нашей “азиатчине” всё же не мы, а просвещённые европейцы изобрели человеконенавистническую идеологию расизма, нацизма и антисемитизма. И первый в мире концлагерь изобрели не мы, а англичане во время англо-бурской войны в конце XIX века. Захватив земли буров (южноафриканских фермеров голландского происхождения), англосаксы создали им невыносимые условия существования, запретив обучение и делопроизводство на голландском языке и объявив английский язык государственным. И с захватнической войной в Европу мы никогда не сошлись. В мемуарах одного из французов (своей скупостью они прославились на всю Европу) я однажды прочёл, как его до глубины души потрясло, что, когда наша армия после победы над Наполеоном заняла Париж, русские офицеры исправно платили за еду в ресторанах, а если и обедали в кредит, то всегда аккуратно возвращали долг. Можете себе такое представить в оккупированной французами Москве, где наполеоновская гвардия устраивала конюшни в храмах, мародёрствовала, грабила и воровала? От жадности Бонапарт приказал даже спилить позолоченный крест на кремлёвской колокольне Ивана Великого. Когда “великий французский полководец” (так пишут в энциклопедиях) спешно драпал из Москвы по смоленской дороге, за ним тянулся целый товарный состав награбленного добра из 70 повозок, запряжённых восемью лошадьми каждая, 20 фургонов и 40 вьючных мулов. Весь этот поезд был под завязку набит золотом и серебром, драгоценными камнями, мехами, дорогой одеждой (в основном почемуженской), старинным оружием, картинами великих художников, церковными рясами с золотым шитьём, сорванными с икон окладами и ценной церковной утварью. Не забыли прихватить с собой французы и запасы продовольствия, вино, водку.

С пафосом, достойным лучшего применения, Улицкая упрекает нас, россиян, в том, что мы никак не стремимся быть “европейцами”. Вот уж поистине “умом Россию не понять...” А что тут непонятного? Я бы посоветовал маститой писательнице пореже мотаться за границу и почаще ездить в российскую глубинку, куда-нибудь в Вологду, Архангельск, Тверь, Рязань, Кострому, Иркутск, на Алтай или в Псков. Пусть бы спросила она там кого угодно, любого жителя: “Ты кто? Европейец?” Знаете, что он ей ответит? – “Псковские мы”, “вологодцы мы”, “поморы мы”, “тверичи мы”, “сибиряки мы” и т. п. А если бы задала она этот же вопрос татарину, калмыку, буряту, башкиру, якуту, ненцу, удмурту, чувашу, лезгину или аварцу, он, взглянув на неё, только пальцем у виска покрутил бы и отправился восвояси.

Пишет в своей статье Улицкая и вот ещё что: “Политика России сегодня – самоубийственная и опасная, она представляет собой угрозу в первую очередь для России, но может оказаться и триггером новой, Третьей мировой войны. Моя страна каждый день приближает мир к новой войне. Наш милитаризм уже поточил когти в Чечне и в Грузии, теперь тренируется в Крыму и на Украине”. Это уже явная и наглая ложь, слово в слово скопированная с передовиц западных СМИ и публичных заявлений таких матёрых ненавистников России, как Х. Клинтон, М. Саакашвили, вице-президент США Д. Байден, пресловутая спикер госдепа США Д. Псаки или опальная “газовая королева” Украины Ю. Тимошенко (“девичья” фамилия которой “Капительман” не ведомо только ленивым и нелюбопытным). Что касается Чечни, война в ней была развязана отнюдь не страной Россией в целом и не долготерпеливым русским народом, а выжившим напроочь из ума от пьянства президентом Ельциным и кликой его придворных лизоблюдов, ума тоже весьма недалёкого. Один министр ельцинской обороны “Паша-мерседес” чего стоит – полный профан в военном деле. В самом начале кризиса, возникшего в отношениях Грозного и Кремля, с охваченным манией величия Дудаевым можно было вполне договориться, подкупить в конце концов. Договорился же Путин в конце концов с Рамзаном Кадыровым. Что мешало сделать это накануне первой войны, вспыхнувшей в Чечне? Да и, кроме “Паши-мерседеса”, хватало в окружении Ельцина дубинноголовые госдеятелей. Чего стоят одни только жалобно-слезливые причитания Черномырдина в июне 1995 г., во время захвата террористами заложников и больницы в Будённовске. Где это было видано, чтобы

премьер-министр страны в эфире главного государственного телеканала чуть ли не на коленях умолял отпетого головореза: “Шамиль, ты меня слышишь, Шамиль? Я тебя прошу, не стреляй...” Такого прилюдного позора и унижения Россия не испытывала за всю свою многовековую историю. Кстати напомним, что в начале 1990-х годов Дудаев запретил показывать на чеченском телевидении мультсериал “Ну, погоди!”, поскольку в нём якобы оскорблялся образ волка – фольклорного персонажа вайнахских легенд и государственного символа независимой Ичкерии. В общем, по уровню ума (вернее, его отсутствию) все эти клятые персонажи нашей недавней истории (Ельцин, Дудаев, Грачёв, Черномырдин) друг друга несомненно стоили.

Что касается того, чей “милитаризм поточил когти в Грузии”, об этом с любым здравомыслящим человеком даже говорить не стоит. Не войска России, госпожа Улицкая, напали ночью 8 августа 2008 г. на несчастную Сакартвело, а возомнивший себя её фюрером батони Саакашвили приказал тогда вероломно расстрелять русских миротворцев и открыть огонь из реактивных установок “Град” и танков по домам и жителям Цхинвала. Что же касается Крыма, то после абсолютно легитимного референдума по его присоединению к России там с целью провокации бандеровским снайпером был убит только один местный русский ополченец. А чей “милитаризм точит когти” сейчас на Донбассе, об этом Улицкая должна бы знать не хуже всех россиян, которые изо дня в день видят в телерепортажах с места событий разбомбленные евробандеровцами заводы, электростанции, больницы, школы, церкви, дома, изуродованные осколками снарядов тела мирных жителей. В апреле 2014 г. на состоявшемся в Киеве конгрессе “Россия – Украина: диалог” Улицкая выступила с речью и заявила, что “нынешняя политика превращает Россию в страну варваров”. Ей горячо аплодировали прибывшие на это сборище такие одиозные деятели, как Б. Немцов, М. Ходорковский, С. Белковский, Ю. Латынина, Л. Рубинштейн. С этой публикой давно всё ясно. А вот “писателя еврейского происхождения” (так сказала она о себе в одном из интервью) Улицкую я бы при встрече всё же спросил: объясните мне, ради Бога, как бывший специалист по генетике, каким загадочным образом произошла такая эволюция, что вы и весь ваш “близкий круг друзей” буквально слились в любовном экстазе с отъявленными нацистами и бандеровцами? Что это за удивительный казус такой? Так он теперь и войдёт в историю под названием “казус Улицкой”. Почему “казус”? Сейчас объясню.

Сразу после нападения фашистской Германии на СССР Степан Бандера и его первый заместитель Ярослав Стецько прибыли во Львов, где 30 июня 1941 г. создали “Украинские национальные сборы”, провозгласившие “Украинское государство”, которое согласно его “конституции” должно было “вместе с Великой Германией устанавливать новый порядок по всему миру во главе с фюрером Третьего рейха Гитлером и вождём украинского народа Бандерой”. После этого руководитель новопровозглашённого “Украинского государства” Стецько выступил с изложением своей программы действий, сказав коротко и ясно: “Москва и жидовство – это самые большие враги Украины. Считаю главным и решающим врагом Москву, которая властно держала Украину в неволе. Не менее враждебна нам также вредительская воля жидов, которые помогли Москве закрепощать Украину. Поэтому стою на позициях полного истребления жидов и целесообразности перенести на Украину немецкие методы экстерминации жидовства, исключая их ассимиляцию” (Евреи на Украине. Учебно-методические материалы. Составитель И. Б. Кабанчик. Львов, 2004. С. 187). После этого директивы главарей ОУН-УПА посыпались, как горох из мешка: “К жидам относиться так же, как к полякам и цыганам: уничтожать беспощадно, никого не жалеть. Жидов, использованных для рытья бункеров и строительства укреплений, по окончании работ без огласки ликвидировать” (Pruś E. Holokost po banderowsku. Wrocław, 1995). Только за две недели (с 1 по 15 июля 1941 г.) бандеровцы при активном содействии местного населения, обычных горожан-украинцев зверски истребили во Львове более 7000 евреев (точное число до сих пор неизвестно). Для сравнения: за все 15 лет, когда инициатор изгнания евреев из Испании Томас Торквемада (кстати, выходец из семьи крещёных евреев) возглавлял основанную им инквизицию, по приговору церковного суда во время аутодафе было сожжено всего 2200 вероотступников. Половину из этого числа составляли соломенные чучела еретиков, которые умерли до ареста или были вне досягаемости инквизи-

ции (Kamen Henry. The Spanish Inquisition: A Historical Revision. London: Yale University Press, 1997, p. 17). Всё это не мешает таким профессорам-историкам как Н. Басовская писать: “Всматриваясь в биографию Торквемады, я не вижу в ней ни одного хотя бы небольшого светлого пятнышка. Это был страшный человек. Лично по приказу Торквемады были сожжены 10 тысяч человек” (Басовская Н. И. Человек в зеркале истории. М., 2009, стр. 310, 311). В цикле “просветительских” передач об истории на радиостанции “Эхо Москвы”, 3 декабря 2006 г. Басовская и вовсе заявила: “Торквемада был обыкновенный убийца”. Так “бережно” обращаются с историческими фактами наши пресловутые доктора наук. Что же касается нынешних, новоявленных друзей евробандеровцев вроде “русского писателя еврейского происхождения” Улицкой, скажу только одно: нужно совсем потерять не только историческую память, но и совесть, и всякое человеческое достоинство, чтобы на почве общей ненависти к России нежно подружиться с потомками палачей своего народа. Слава Богу, не всем евреям отшибло память. С резким протестом против еврейских олигархов Украины, финансирующих геноцид русского населения Донбасса, бесстрашно выступил и продолжает выступать глава еврейской общины Харькова Эдуард Ходос, автор книги “Еврейский фашизм, или Хабад – дорога в ад”. А такой же писатель еврейского происхождения, как и Улицкая, недавно написал в своём “живом журнале”: “Российские, украинские и израильские “либеральные” евреи, поддерживающие нынешних евробандеровцев, предают историческую память своего народа, предают сотни тысяч евреев, убитых и замученных бандеровцами во время войны. Иногда я жалею, что Советский Союз спас их родителей от уничтожения немецкими нацистами и теми же бандеровцами” (<http://left-liberal-il.livejournal.com/2104053.html>).

Прежде чем агитировать русских и украинцев за вступление в Евросоюз, неплохо было бы заглянуть г-же Улицкой в любое авторитетное экономическое издание, публикующее статистические данные о евроинтеграции. Она обнаружила бы там немало неожиданных для себя фактов. Евросоюзного “счастья” по полной программе уже хлебнули Болгария, Румыния, Венгрия, Словакия и страны Прибалтики. В результате после вступления в Евросоюз промышленность Эстонии, Латвии и Литвы перестала существовать. Бывшие советские заводы и фабрики стали там складами для европейских товаров и торговыми центрами. В период с 2003 по 2012 г. внешний долг по отношению к ВВП в Литве вырос с 40 до 78%, в Эстонии – с 64 до 98%, а в Латвии вдвое – с 73 до 145%. Население этих стран из года в год стремительно убывает из-за массового отъезда молодёжи в поисках работы за границей. В Венгрии и Румынии 40% населения живут ниже черты бедности. Когда-то развитое венгерское сельхозпроизводство после вступления в ЕС сократилось в 10 раз. В аграрной солнечной Болгарии ситуация ещё хуже. За последние годы численность населения сократилась тут с 9 до 7 миллионов человек. 80% пищевого рынка занято низкокачественным импортом из-за ограничений, введённых для местных фермеров Евросоюзом. Что ждёт в этой аховой ситуации Украину, догадаться нетрудно. К счастью, Россия, Белоруссия и Казахстан оказались намного прозорливее, создав Таможенный союз и предложив взаимовыгодную дружбу Китаю.

После публикации статьи “Европа, прощай!” её лаконично и доходчиво прокомментировал на радиостанции “РСН” Эдуард Лимонов, который сказал: “Улицкая – писатель не первого ряда. На меня она производит впечатление тихой, улыбчивой, немного сбрендившей старушки. Учитывая то, что она ещё и неадекватно воспринимает реальность, я бы никакого значения её словам не придавал. Не ко всем деятелям искусства следует прислушиваться. Если это Лев Толстой, то это серьёзно, а если это Улицкая... Собака лает, ветер носит”. Сторонником политических и иных взглядов Лимонова я никогда не был, но в данном случае подписываюсь под каждым его словом.